

ОГЛАВЛЕНИЕ

9	ГЛАВА ПЕРВАЯ Собиратель хвороста
25	ГЛАВА ВТОРАЯ Охотник и добыча
43	ГЛАВА ТРЕТЬЯ Ночная встреча
61	ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ Тайная карта из Квенделина
79	ГЛАВА ПЯТАЯ Фендель Эйхаз
105	ГЛАВА ШЕСТАЯ Зимнее солнцестояние
121	ГЛАВА СЕДЬМАЯ Пылающая ветвь
135	ГЛАВА ВОСЬМАЯ Метель
165	ГЛАВА ДЕВЯТАЯ Как летает ворон
203	ГЛАВА ДЕСЯТАЯ Тени и свет
231	ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ Стоячие камни
253	ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ Белый сад
283	ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ Кто не умер, пусть живет
321	ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ Возвращение на бесплодную пустошь
347	ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ Ночное нападение

375	ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ Хранитель холмов
405	ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ В логове Полузуба
443	ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ Через ущелье и по мосту
479	ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ Крепость Погибели
517	ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ Дикая Охота
555	ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ Новая Луна
568	ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА
571	БЛАГОДАРНОСТИ

Светлой памяти бабушки Агаты
и дедушки Эберхарда Доверманов,
с которых началась
эта история

Я подозреваю, что мертвецы кочуют туда-сюда, восстанут и сражаются против нас; с живыми мертвецами бороться будет трудно; и сколько бы ног мы здесь ни отрубили, сколько бы щитов ни раскололи, шлемов и нагрудных доспехов ни разбили, скольким бы вождям головы ни пробili — мертвецы самые жестокие, с кем нам приходится иметь дело, ибо против них у нас силы нет.

Сага о Хрольфе Краки (цитируется по изданию Пауля Германа)

В последний раз Земля окликнула ее многоголосым хором: в нем слились плач ребенка, хриплое карканье ворон, приглушенное мычание коров, скрип тяжелой телеги, которая неспешно катила домой. Но вот она скользнула в густую сумеречную завесу, и все земные звуки вдруг стали почти неслышными; она миновала преграду, и звуки стихли¹.

Лорд Дансени. Дочь короля Эльфландии

¹ Здесь и далее цитируется в переводе С. Лихачевой.

В угасающем свете отвесные скалы тянутся друг к другу. Между ними высятся грозные черные стены, срастающиеся с грубыми камнями. Из бездонной расщелины поднимаются окутанные вечными сумерками мрачные башни и кусают небо зубчатыми вершинами. От бескрайних небесных просторов остался лишь далекий бледно-серый разлом, где клубятся облака. Но, кажется, что-то еще на мгновение омрачает и без того унылый вид. Здесь не только витают зимние туманы, не только нависает варево бурь, но и жуткое дыхание могил сгущается в ползущие тени и рождает чудовищ... И все же испуганный взгляд в отчаянии поднимается ввысь и ищет, ищет — но тщетно.

Где зеленые холмы, где залитые лунным светом луга в летнюю ночь? Лишь морозный ветер проносится по ущелью и режет острые гребни скал. Пропитанные кровью стены, возведенные на костях погибших народов, хранят в себе вековые страдания.

Горе мне, ибо это крепость Погибели! *Где вход, где выход? Ищите во тьме, в которой нет ничего и в то же время что-то скрыто.* Ищите, во имя всех квенделей! И не обрекайте меня на забвение и ужас потустороннего мира.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СОБИРАТЕЛЬ ХВОРОСТА

*На черных елях дремлет тишина.
Мерцают печи в окнах спозаранок.
Издалека доносится скрип санок.
Восходит тихо серая луна.*

*Зверь истекает кровью золотой.
Вороны копошатся над кровавой пеной.
Дрожит камыш, сухой и высоченный.
Мороз, дымок, шаги по рощице пустой².*

Георг Тракль.
Зимой

² Перевод В. Летучего.

Вернусь за полчаса, сказал он себе.

В конце концов, он не собирался отходить далеко от дома, а всего-то на двадцать широких шагов. Поздней осенью или зимой короткая прогулка — дело обычное, раньше он бы и раздумывать не стал, чтобы пройтись до опушки небольшого леса. Однако после Праздника Масок, что был три недели назад, в жизни квенделей не осталось ничего обычного и заурядного. С той поры на Холмогорье накинута самая страшная на памяти стариков зима, как будто ужаса, постигшего их в ту жуткую ночь и превратившего мирную жизнь в бесконечный кошмар, было недостаточно. Кошмаром обернулись давно ушедшие времена и древние легенды, и хоть сколько клянись священными грибными кольцами добрых лесов, а пробудиться от страшного морока не выйдет, ведь после такой лютой зимы не дожدهшься и весны.

Сам он в Баумельбурге не был, и потому ему не пришлось стать свидетелем большого пожара и гибели ряженных, которых оплакивали теперь в каждой деревне. Квендели ежегодно прибывали из-за ближних и дальних холмов, собираясь у Холодной реки, чтобы дерзко приветствовать зиму шествиями в грозных масках. Но после недавних ужасных событий этот древний обычай казался, скорее, подзуживанием врага, куда более жестокого, чем лютой мороз.

«Синие волнушки да гнилые лаврушки! Вернусь-то я прежде, чем закипит вода на огне», — мысленно подстегивал он себя. В голове у него роились обрывки сбивчивых рассказов, тех, что то и дело повторяли, дрожа с головы до ног, вернувшиеся с Праздника Масок — снова и снова, пока все вокруг не затвердели их страшные слова наизусть.

В уютной теплой кухне он повесил на крюк над очагом железный чайник. Заварочный чайничек уже стоял на табурете перед камином. Рядом нашлось место и блюду со свежими медовыми

булочками, которые он испек сам. Булочки были еще горячими, на них таяло золотисто-желтое каштановое масло, и если он хотел полакомиться любимой выпечкой, пока она не остыла, следовало поторопиться. Огню недолго осталось весело потрескивать в очаге — корзина с дровами почти опустела.

Поленья он подкладывал в очаг более чем щедро, что неудивительно в такую омерзительную погоду. Что ж, теперь делать нечего... Чтобы и дальше сидеть в тепле да уюте, нужно успеть сходить в лес до темноты. Любой из его перепутанных соседей счел бы подобную затею невероятно безрассудной. Эти дрожащие поганки не осмелятся ступить и шагу за дверь, не собравшись впятером. Они уже в полдень вооружаются факелами да фонарями.

Презрительно хмыкнув, он неуклюже натянул тяжелую зимнюю куртку и натянул на голову старую шапку из кроличьего меха.

«Елки-поганки, страхи страхами, а от утомительных этих забот никуда не деться, как ни крути», — он пытался бодриться, однако тревога не исчезала. В глубине души он подозревал, что его народу не избежать грозной и свирепой опасности, не выскользнуть невредимым из ее когтей. Так овцы, пасущиеся у темного леса, не в силах скрыться от кровожадных хищников и свернуть с пути к зияющей бездне.

Пропустив все предостережения, жители Холмогорья столкнулись с грозными силами на деле, и многим эта встреча обошлась дорого. Горестные события в очередной раз показали, что квенделли — существа крайне упрямые и легкомысленные. Ведь самые очевидные и жуткие предзнаменования не могли заставить их свернуть с намеченного пути — даже если в конце его ждет погибель.

Бендикс Трехиспор не был исключением. Старый упрямый ворчун жил один в покосившемся домике на окраине Двенадцати Дубов, в стороне от проторенной дороги. За садовым забором темнел небольшой лес, а за лесом раскинулась вересковая пустошь, которая шагах в двухстах к северу неожиданно утыкалась в скалистую стену. Стена эта, изрезанная глубокими расщелинами, напоминала пасть гигантского чудовища, выдыхающего туман отнюдь не только в холодное время года. О, священные трюфели, черное как ночь чудище вздымало вверх свои бесчисленные шишковатые конечности, сплетая их самым причудливым образом. И там, на головокружительной высоте, темнела непроходимая чаща гигантских мохнатых деревьев. Это Сумрачный лес возвышался на каменистом плато над равниной Двенадцати Дубов.

Стоило Бендиксу войти под сень небольшого лесочка за домом, как все его чувства мгновенно обострились. Пресловутый Сумрачный лес словно простирал над ним свою жуткую тень, и потому Квендель старался избегать бегущих на север тропинок. Ели, сосны, осины да кое-где белевшие стройные березы когда-то выросли за деревней из прилетевших с вересковой пустоши семян и теперь клонились влево под напором восточного ветра. Осенью ветер вольно мчался по равнине от самой Сверлянки, налетая особо сильными порывами, и приносил с собой обломки сучьев и веток, которые Бендиксу оставалось только собрать в корзину.

Так он и поступал, когда заканчивался запас больших поленьев, покупаемых у соседа в конце Грибной Луны. Хватало их ненадолго, и экономный Трехиспор предпочитал ходить за дровами в лес.

Снова всю ночь шел снег. К концу дня густые хлопья сменились легкой порошей, но она никак не прекращалась, словно дожидаясь очередной бурной ночи. Белые сугробы уже приперли заднюю дверь, ведущую в сад, и выбраться наружу было нелегко. Квендель даже подумал, что домик пытается его удержать, напоминая об уюте и безопасности, ведь стоило ему лишь убрать засов, как резкий холод тут же больно укусил его за щеки и нос.

— Ах, поганки ледяные! — выругался Бендикс.

Ему пришлось изо всех сил налечь на дверь, чтобы протиснуться в узкую щель, и расчистить заднее крыльцо совком. На улицу он выбрался уже насквозь вспотевший. Лицо Бендикса неприятно покалывала ледяная крупа, которую ветер с сухим шелестом срывал со смерзшихся сугробов. Ледяной вихрь набросился на Квенделя, словно только и дожидался, когда он осмелится выйти за порог. Близились сумерки, их предвестники длиннопальными тенями выползали из унылой серости, таившейся на границах дневного света. На краю рощицы, в двух шагах от садовой ограды, было жутко темно.

Захлопнув за собой дверь, Бендикс сделал два-три шага по глубокому снегу, остановился и обернулся. Он запрокинул голову, чтобы осмотреть поросшую мхом крышу. Вот уже несколько недель на ней красовалась огромная белая шапка с обманчиво мягкими контурами, а остроконечные сосульки, словно голубоватые кинжалы, непреклонно указывали вниз. Квендель настороженно огляделся, ожидая услышать, как стонет и трещит крыша под тяжестью льда и снега.

Однако вокруг стояла глубокая тишина. Если не считать треску шепота холодного ветра, в саду царило безмолвие. Можно было даже вообразить, что все холмы и все земли застыли на морозе, окутанные гигантским саваном, совсем как погибшие и пропавшие без вести гости Баумельбурга...

Бендикс потрянул головой, словно пытаясь избавиться от гнетущих мыслей. На мгновение он замешкался и подумал, не лучше ли пойти в противоположную сторону, в деревню. Там он наверняка найдет дрова, чтобы пересидеть в тепле до завтра, а на следующее утро, при свете нового дня, сможет без тревожных волнений отправиться в лес.

Но тут он вспомнил о тихом, уютном чаепитии, для которого уже все приготовил. Если в поисках дров он пойдет по соседям, о медовых булочках с чаем, конечно, придется забыть. Квэндели при встрече беседовали подолгу, вдаваясь в самые незначительные детали, а уж тем более в такие времена, когда и у старых отшельников, вроде него самого, развязывался язык. Повсюду — и в старинных особняках, и в тесных моховых хижинах — перепутанные жители Холмогорья собирались перед огнем и, склонив головы, вели бесконечные беседы о том, что с ними приключилось.

— К тому времени как я вернусь от соседей, огонь в очаге уже погаснет, а в доме будет холодно, и мои медовые улитки остынут, — хрипло проговорил Бендикс в тишине. — Так что поторопись, старый ты боровик.

С новой решимостью он вернулся к двери и схватил корзину, которая стояла рядом, под кухонным окном. Плетенка жалобно заскрипела, когда он потащил ее из сугроба, засыпавшего стену дома до самого подоконника. Бендикс с досадой заметил, что обе ручки корзины задубели на морозе, потому что он не внес ее в дом. Повесив корзину на плечи, он зашагал по коленам в снегу к садовой калитке. Калитку он оставил открытой еще после первого сильного дождя, чтобы беспрепятственно ходить в лес, иначе сейчас пришлось бы перелезть через забор. Однако, поразмыслив, Бендикс решил, как только представится случай, запереть ее, пусть даже эта хлипкая конструкция была невестой какой-либо защитой от злоумышленников.

Дом Трехиспора стоял чуть ниже рощицы, в пологой ложбине. В нескольких шагах за оградой поляна поднималась к насыпи, через которую вела песчаная, теперь заснеженная тропинка. То тут, то там через лес пролегли узкие тропы, протоптанные

дикими зверями. Теперь все тропинки исчезли под толстым слоем снега. Черные ряды голых стволов поднимались из холодных блестящих сугробов, окутанные теньями, которые уже начинали сливаться в монотонную тьму. Знакомые окрестности казались чужими и враждебными.

Дойдя до лесной тропы, Бендикс пожалел, что не захватил фонарь, но возвращаться в дом не хотелось. Он понял, что отыскать хворост будет сложнее, чем казалось: ночью ветер яростно трепал деревья, однако снег засыпал и свежевывавшие ветки, и старый валежник. Разве что поискать в укромном местечке, где ели и сосны сгрудились в окружении густых кустов? Место, о котором он вспомнил, находилось в стороне от главной тропы, и добраться туда можно было по узкой тропинке, которая вела на северо-запад. Но тогда придется зайти чуть глубже в лес.

Не выдержав, Бендикс обернулся и в последний раз окинул взглядом свой небольшой участок. Дом в заснеженном саду напоминал огромную серую кошку, которая уютно свернулась на мягкой подушке. Кухонное окно подмигивало медово-желтым сиянием, будто напоминая, что хозяину следует поторопиться с возвращением: «Вернись скорее, ради святых трюфелей! Чайник вот-вот закипит! Здесь тепло и безопасно!»

Позади глубокими теньями чернели соседние дома, на фоне темнеющего неба огни в них светились еще ярче. Уже скоро жители Двенадцати Дубов станут закрывать ставни, и деревня, как и каждый вечер, погрузится в очередную долгую зимнюю ночь, а в такие опасные времена кормят огонь в очагах и накрепко запирают двери и окна, позабыв об одиноких странниках.

Трехиспор отвернулся и пошел по тропе, ведущей в рощу через насыпь. С обеих сторон от него тянулись земляные стены высотой до плеч. Тропа плавно поднималась вверх, пока не вывела на равнину, где разветвлялась на несколько дорожек. И тут, выйдя из тени деревьев, Бендикс угодил под такой сильный порыв ветра, что его на мгновение с головой окутало мягкой искрящейся пеленой из мельтешащих хлопьев и снежной крошки. Казалось, сам воздух заledenел и блестит.

«Я будто иду сквозь занавес, развевающийся пред вратами», — подумал он, недоумевая, где, ради всех мерцающих навозников, прячется источник света, в котором кристаллы льда и снега сверкают, словно мириады светлячков. Кажется, он слышал

о чем-то подобном в одном из бесконечных рассказов о Празднике Масок, но подробностей так и не вспомнил.

Быть может, это была история о Винтер-Хелмлигах, некогда гордых владельцев Фишбурга, которым так сильно досталось в Баумельбурге и чей серебряный блеск так трагически потускнел. Трехиспор все размышлял, как вдруг его сердце заколотилось гораздо сильнее, чем прежде. И вместе с тем ему стало очень холодно, будто в объятиях смерти, словно он шел по снегу не один час.

— Ты же не дрожащая поганка, — пробормотал он самому себе и сильнее стиснул жесткие ремни корзины. Решив, что причиной чудесного сияния были последние отблески дневного света, он мысленно пообещал завершить вечернее чаепитие добрым глотком горячей медовухи.

Бендикс шел по глубокому снегу так быстро, как только мог, однако ему никак не удавалось согреться — холод пронизывал до костей. Тяжело дыша, он мысленно отчитывал себя за то, что не заметил раньше, как мало осталось дров, — о нет, он пек булочки и беспечно откладывал поход в лес.

Скользнув левой рукой по снежной насыпи, он подумал, а вдруг повезет и вопреки всем рассуждениям здесь найдутся пригодные для костра дрова. Однако вместо хвороста из-под снега показался стебель старого камыша, и рукавица зацепилась за него. Квендель хотел отвести руку, но прицепившаяся к колючей метелке рукавица соскочила. Голыми пальцами Бендикс зарылся в холодный снег и вдруг нащупал что-то липкое, но теплое. Едва подавив крик, он отдернул руку — а вдруг там что-то мерзкое и отвратительное? Кончики пальцев перепачкались в темной жидкости, цвет которой разобрать в сумерках было невозможно. Трехиспор изумленно уставился на руку: можно подумать, он дотянулся до спелых ягод, что, конечно же, невозможно в это время года.

Бендикс недоверчиво сморщил нос, принюхался и тут же замер. Знакомый сладковатый запах железа заставил его испуганно застыть. Страх обрушился на квенделя подобно неожиданной оплеухе, и по спине пробежала дрожь.

Трехиспор поспешно сунул руку в снег и увидел, что его пальцы оставили на белом фоне красноватые следы. Неужели он поранился о колючки, сам того не заметив? Очевидно, что он только что размазал по снегу кровь, но, похоже, не свою — пальцы были целы, — а значит, под белой пеленой покоился мертвый зверь. Но как же куницы или лисы смогли бы зарыть здесь добычу, не по-

тревожив снежную вуаль? Да и не имеют пушистые лесные охотники такой привычки, подумалось ему.

«Тогда кто еще здесь бродит?» — мысленно спросил он себя, с тревогой подозревая, что найдет в себе силы ответить на эту загадку, только когда вернется домой, сядет перед камином и примется жевать медовую булочку, с которой по рукам потечет растопленное масло. Бендикс брезгливо потер пальцы друг о друга, пока не смыл липкие следы, сорвал варежку с сухого тростника и снова надел на руку. Он в последний раз внимательно осмотрел снег. Ничего. Ни следов крови, ни остатков меха или перьев растерзанной добычи. Борясь с тошнотой, Бендикс решительно зашагал вперед, пока своеобразный туннель между насыпями не остался позади.

Вскоре он обнаружил под снежным покрывалом большой валун на распутье — отсюда тропинка, по которой квендель намеревался идти, уходила влево. Хотя хорошенько разглядеть под снегом ее не удавалось, Бендикс был уверен, что через три-четыре поворота увидит тот самый уголок, где под переплетенными ветвями соберет достаточно сухого хвороста, чтобы заполнить корзину за спиной. И можно возвращаться!

Сойдя с главной тропы, Трехиспор направился к сборищу великанов и карликов, в которых снегопад превратил деревья и кусты. Вглядываясь в клубящиеся тени, он узнал свою цель — большое темное пятно позади уменьшающихся стволов.

Деревья растворялись в сгущающихся сумерках, рисуя нечеткий сероватый узор. Тишина тяготила, словно в ней таился упрек. Иногда резко трещали на морозе сучья, отчего Бендикс испуганно вздрагивал. Над холодной белой пеленой веял ветер, и квендель скорее угадывал, чем видел, что снег все еще идет. Бендиксу вдруг показалось, что в безмолвии леса его дыхание и шаги отдаются слишком громко. Его словно накрыло крылом бесконечное одиночество — казалось, он, с пустой корзиной на плечах, оставил за спиной не только лесную тропу, но и все оживленное Холмогорье.

Священные грибные кольца некогда светлых лесов, что-то роковое витало в ледяном воздухе, таилось в темноте — невидимое и все же осязаемое!

Бендикс почувствовал, что готов расплакаться — такое случилось нечасто, и он невольно напрягся, чтобы собраться с силами. С тех пор как он вышел за калитку, прошло не так много времени, но это была, пожалуй, самая долгая четверть часа в его жизни. Время тянулось бесконечно, как и его путь. Темные зарос-

ли по-прежнему казались удивительно далекими, хотя он никуда не сворачивал. Бендикс уже давно должен был достигнуть цели. В голове испуганной птицей забилась мысль: а не сбился ли он с пути? Однако вместо того чтобы заплакать, он чуть было не рассмеялся — хоть и злым, отчаянным смехом.

Вот же горькие подосиновики, как можно заблудиться в десяти шагах от родной двери? Похоже на наказание за необдуманный поступок, и теперь он не скоро вернется домой. Всех ужасов, что рассказывали друг другу квендели, оказалось недостаточно, чтобы предостеречь Бендикса, когда он покинул дом, оставил за спиной деревню и сошел с главной лесной тропы. Теперь он брел по следам диких животных, а то и кого-то пострашнее, кто скрывался в тенях. Вдруг его поджидают совсем рядом, за следующим камнем или под заснеженным кустом...

Воспоминания о крови под снегом все не шли у него из головы. Разве забыл он слухи об ужасающих пугалах? Сначала они появились у Жабьего Моста незадолго до Праздника Масок, затем в Колокольчиковых полях и наконец, когда беда обрушилась на этот древний город на берегу Холодной реки, чуть ли в каждом палисаднике Баумельбурга. Бендикс будто воочию увидел пугала, возведенные явно не руками квенделей, — на верхушках воткнутых в землю столбов торчат, словно отрубленные головы, злоеющие маски. И даже не вспомни он об этой жуте, одного прикосновения к свежей и теплой крови было достаточно, чтобы сразу же повернуть назад.

И все же, словно в тенетах мучительного кошмара, Бендикс Трехиспор шел вперед — пустая корзина подпрыгивала у него за спиной, снег вздымался под ногами, со всех сторон набегали тени, едва различимые в кромешной тьме наступающей ночи. Он настороженно вертел головой по сторонам, будто дичь, уловившая на тропе запах охотника — хоть четвероногого, хоть двуногого, но в любом обличье опасного и несущего гибель.

Бендикс замер, краем глаза уловив, как справа что-то едва заметно шевельнулось и серебристо блеснуло. Не двигаясь с места, он смотрел, как ему казалось, на север. За рядами деревьев показалась полоса бледного света. Из густых сумерек медленно проступили очертания стволов. Было похоже, будто над далеким горизонтом всходила бледная луна, заливая тусклым сиянием заснеженную пустошь за рощей, а может, просто сгустился туман. И то и другое представить в такую погоду было очень трудно,